

РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА В ПОИСКАХ НАЦИИ: ПОЛИТИКА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПАМЯТИ*

Мартьянов Виктор Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
директор,
кандидат политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
ORCID 0000-0002-7747-0022,
E-mail: martianovy@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 07.10.2020, принята к публикации 09.11.2020

Для цитирования: Мартьянов В.С. Российская элита в поисках нации: политика избирательной памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 54–67. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10404

Аннотация

Проблема ценностной консолидации российской нации состоит в том, что ее фактическим историческим основанием является распад СССР и поражение в холодной войне. Поэтому политические элиты как изобретатели новой российской традиции вынуждены смещать основание российской нации в далекое прошлое абстрактной и противоречивой тысячелетней истории России, по сути исчерпавшее объяснительный, символический и легитимирующий потенциал для современного российского общества. Либо символически фундировать рождение российской нации советским периодом, прежде всего победой в ВОВ. Третьим альтернативным вариантом мог бы стать отказ от всего советского при формировании идентичности нового общероссийского «мы», что осталось после развала СССР нерешенной задачей. Попытки ее решения в 1990-е через антисоветизм и воображаемое при-

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», рук. академик РАН В. Н. Руденко).

© Мартьянов В.С., 2020

соединение к некому свободному миру оказались провальными. Российские политические элиты так и не смогли осуществить сборку универсальных идеологических координат российской нации как современного общества с опорой на большой исторический нарратив. В результате место центральной ценностной системы занимает непоследовательная риторика, опирающаяся на не менее противоречивую конфигурацию политики памяти, играющей на понижение уровня коллективной идентичности. Актуальные ценности российской нации состоят из партикулярной этики добродетелей, задающей дифференцированные стандарты для разных социальных групп; избирательной легитимации через высшие советские достижения, оторванные от контекста советских ценностей, благодаря которому они были осуществлены. Все это подтверждает отсутствие современного исторического нарратива, который политические элиты могли бы убедительно обосновать через заложенную в нем универсальную иерархию ценностей. Соответственно основания легитимности политического порядка, консолидирующие ценности и новые исторические традиции российской нации остаются ситуативными и локальными с точки зрения принципов воспроизводства большого (модерного) общества.

Ключевые слова:

политика памяти, символическая политика, советское, изобретение традиции, идентичность, легитимация, СССР, российская нация, современное общество.

UDC 323.23

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10404

RUSSIAN ELITE IN SEARCH OF A NATION: SELECTIVE MEMORY POLITICS

Victor S. Martianov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Director,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-7747-0022,
E-mail: martianovy@rambler.ru

Article received on October 7, 2020, accepted on November 9, 2020

To cite this article: Martianov, V.S. (2020). Rossijskaya elita v poiskah nacii: politika izbiratel'noj pamyati [Russian elite in search of a nation: selective memory politics]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 54-67. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10404

Abstract

The problem of the value consolidation of the Russian nation is that its actual historical basis is the collapse of the USSR and defeat in the Cold War. Therefore, political elites, as inventors of a new Russian tradition, are forced to shift the foundation of the Russian nation to the distant past of the abstract and contradictory thousand-year history of Russia, which in fact has exhausted the explanatory, symbolic and legitimizing potential for modern Russian society. Or to symbolically fund the birth of the Russian nation during the Soviet period, primarily by the victory in the Second World War. The third alternative could be the rejection of everything Soviet in the formation of the identity of the new all-Russian “we”, which remained an unsolved problem after the collapse of the USSR. Attempts to solve it in the 1990s through anti-Sovietism and imaginary annexation to some kind of free world proved to be a failure. Russian political elites have never been able to assemble the universal ideological coordinates of the Russian nation as a modern society based on a grand historical narrative. As a result, the place of the central value system is taken by inconsistent rhetoric, based on an equally contradictory configuration of the politics of memory, which plays to lower the level of collective identity. The actual values of the Russian nation consist of a particular ethics of virtues that sets differentiated standards for different social groups; selective legitimation through the highest Soviet achievements, divorced from the context of Soviet values, thanks to which they were realized. All this confirms the absence of a modern historical narrative that political elites could convincingly substantiate through the universal hierarchy of values embedded in it. Accordingly, the foundations of the legitimacy of the political order, consolidating values and new historical traditions of the Russian nation remain situational and local from the point of view of the principles of reproduction of a large (modern) society.

Keywords:

politics of memory, symbolic politics, Soviet, invention of tradition, identity, legitimation, USSR, Russian nation, modern society.

**Современные нации:
изобретенные традиции и политики памяти ограниченного доступа**

В основании ценностного ядра идентичности любого политического сообщества лежит ответ на вопрос «кто мы»? Ответ сглаживает вечные локальные конфликты и структурирует перманентные процессы группообразования (семьи, группы, класса, нации), устанавливая легитимные иерархии идентичностей и отделяя наше сообщество от чужих и врагов. Во временном измерении группообразование опирается на общее прошлое (совместная история), настоящее (легитимность текущих коллективных практик и институтов) и будущее (общие цели). Все вместе они образуют национальный исторический нарратив, повествующий о том, кто мы, откуда и куда идем. Очевидно, что постоянно конструируя национальную память, историческая и политическая наука может только мимикрировать под естественные науки, делая вид, что изучает неизменные социальные факты, оставаясь нейтральной к их вопросам

ценностной интерпретации и проблемам установления правильной иерархии общественных благ. Однако даже факты, запечатленные в документах и архивах, являются не более чем материалом для определенных представлений о прошлом, то есть предметом смысловых интерпретаций в разных классовых, идеологических и иных перспективах, встраиваясь в более широкие контексты и нарративы.

Поэтому единство истории любого народа есть не более чем существующее здесь и сейчас консенсус/согласие большинства с постоянно корректируемой версией прошедшей повседневности многих поколений «мы», объединяемых в семью, класс, народ, нацию, цивилизацию, человечество. Релятивность версий совместной истории, выходящей на рамки живой памяти отдельных людей и поколений, радикализируется неизбежными противоречиями как внутри этого поколения, так и между разными поколениями, локальными группами, классами и народами. Война разных субъектов за коллективную память является бесконечной, а победители в ней только временными. Постоянно меняется не только субъектный состав войн памяти, но и само поле сражения, в котором идет непрерывная переоценка, введение в широкий оборот и забвение символов, событий и деятелей прошлого, составляющих легитимирующие современность кладбища истории.

Политические элиты в качестве фундаментальной задачи воспроизводства современных обществ должны постоянно вырабатывать и подтверждать иерархии идентичностей, в центре которых находится общая история и судьба конкретного политического сообщества, подтверждаемая совместным прошлым, настоящим и будущим. Предполагается, что нация как самоопределяющаяся гражданская общность должна иметь более универсальный и эгалитарный характер, чем актуальные классовые, сословные, этнические, экономические и корпоративные конфликты по поводу доступа разных социальных групп к общественным ресурсам. В противном случае большое общество становится колоссом на глиняных ногах, который может разрушиться в ходе нарастания внутренней конфликтности любого генезиса. Именно такие закономерности распада продемонстрировал поздний СССР, чьи высшие ценности распались под натиском множества локальных интересов и идентичностей, разрушивших советскую иерархию приоритетов.

Любое государство, любой народ обретают единство через главные события/фигуры своей истории. Российская империя, в конечном итоге слинявшая в три дня (В. Розанов), долгие годы опиралась в своем историческом нарративе на официальные высшие ценности православия (истинная вера), самодержавия (император как ее хранитель) и народности (народ-богоносец). Подобная легитимация органична для традиционных аграрных обществ, в которых узаконение настоящего социального порядка осуществляется посредством его соотнесения с вечным и абсолютным. Однако переход к современности закономерно поставил под сомнение подобный тип божественной легитимации политического сообщества, обнаружив множество конфликтующих групп и необходимость выработки динамической модели общественного согласия, связанного с согласительными процедурами коммеморации и выработки общей памяти современного общества. Идея нормальности прогресса и постоянных общественных изменений переместила общественные идеалы современных обществ из вечности в возможное будущее, превратив прошлое и настоящее в его несо-

вершенные черновики. Эти же процессы сформировали политический запрос на объяснительные и легитимирующие функции социально-исторических наук в их нынешнем виде: «наибольшим изменением в реальном социальном мире стало принятие двух доктрин, освященных Французской революцией: нормальности изменения и суверенитета народа. Для участников политического процесса в рамках мир-системы стало необходимым понимать, что именно производило нормальное изменение, дабы обладать способностью ограничивать влияние народных предпочтений на структуры социальной системы. Именно для выполнения этой задачи были изобретены исторические социальные науки и их новый концептуальный язык» (Валлерстайн, 2016, с. 258). Поскольку будущее стало альтернативно в разных классовых и иных перспективах, политика превращается в состязание символических образов движения в будущее, опирающихся на те или иные иерархии ценностей, обещающих расширение возможностей для большинства в сравнении с прошлым. Прошлое превратилось в важнейший ресурс, который в виде бесконечного переизобретения традиции могут использовать господствующие социальные группы и политические элиты: получать из достижений многих предшествующих поколений культурную ренту, тотализировать историю, присваивать вневременное коллективное «мы», ограничивать доступ к прошлому своим оппонентам, якобы подрывающим государственные устои, традиции и основы.

В ситуации культурной универсализации локальных историй, капитализации и накопления ресурсов истории/прошлого нациями-государствами эпохи длящегося Модерна закономерным (и далеко не только российским) становится базовое утверждение, что «у истории может быть только один неделимый субъект (народ, обретший единство благодаря сильному государству), поэтому и право доступа к богатствам национального прошлого может даваться только от лица государства. Лишь оно обладает монопольной привилегией контролировать возможность использования этого ресурса – попытки несанкционированного доступа пресекаются как фальсификации истории и проявления информационной войны» (Калинин, 2013b, с. 204). Таким образом, политическая элита получает практически эксклюзивный доступ к истории как важному источнику своей легитимации в настоящем.

Советский период в политике национальной идентичности: замри, умри, воскресни?

В подобном интеллектуальном контексте важная проблема в деле построения нации состоит в том, что актуальная российская политика все чаще превращается исключительно в политику прошлого или политику памяти, утрачивая символические ресурсы настоящего и будущего. В частности, такой программный политический дискурс как ежегодные послания Президента России по своей тональности является скорее реакцией на происходящее в России и мире, чем попыткой запрограммировать будущее. Изменяться (реформироваться) России необходимо только в связи со сложившимися обстоятельствами, а не для достижения безусловных по отношению к обстоятельствам целей. Временной код закольцован в посланиях на вечное настоящее, которое помимо воли элит превращается в тиранию настоящего времени (П. Вирильо). В посла-

ниях приветствуются только реактивные изменения, обусловленные внешними обстоятельствами и вызовами, в то время как необходимость прогрессивных перемен, детерминированных высшими целями, в посланиях просто отсутствует. Большинство поручений, которые Президент РФ выдает разным органам власти, рассчитаны на ближайшие недели и месяцы, максимум год. Поэтому попытки обозначить стратегию развития на десятилетие оборачиваются закономерным поражением на уровне невозможности формулировки количественных показателей экономических планов на ближайшие годы (Мартьянов, 2009).

Политические элиты за десятилетия, прошедшие с момента распада политического проекта СССР, не сформулировали убедительные высшие ценности, которые сплотили бы российскую гражданскую нацию как сверхценность, преобладающую над всеми остальными партикулярными идентичностями классов и сословий, этносов и религий, поколений и идеологий. И следует отметить, что понимание этой задачи присутствовало у определенной части российских элит: «нужно, чтобы будущее влияло на актуальную политику сильнее, чем прошлое. Нужно диагностировать и корректировать существующее положение с позиций предстоящего. Назовем такой способ оценки и постановки задач «взгляд из утопии», из желательного будущего» (Сурков, 2007).

Парадокс заключается в том, что легитимация социально-политического и экономического порядка современной России, несмотря на понимание правящей элитой необходимости выработки новых высших ценностей (которые к тому же могут расходиться с ее ситуативными и сиюминутными интересами), осуществляется с помощью инструментальных и операциональных ценностей низшего порядка, не предназначенных для воспроизводства и консолидации современных обществ (Мартьянов, Фишман, 2020). В результате легитимация любых действий отечественных элит имеет паллиативный характер, продолжая отсылать в качестве своих конечных оснований к символам прошлого, к политическим проектам, из распада которых возникла современная Российская Федерация. Соответственно ценностное ядро российской политики, призванной консолидировать общество и показать/объяснить своим и чужим, кто мы, остается политикой прошлого, исторической политикой или политической историей. Фундаментальная символическая привязка к прошлому проявляется в том, что наиболее значимыми опорными символами гордости за коллективную идентичность в современном российском сознании остаются главные достижения советского периода, а наибольшие сожаления вызывает распад СССР (Национальная идентичность ..., 2019).

В период СССР общность советского народа конструировалась вокруг двух ключевых событий, имевших судьбоносное значение для сохранения российского народа: Великая Октябрьская Социалистическая революция и Великая Отечественная война (ВОВ). Причем по мере отдаления от 1917 года и сокращения поколения революционеров в позднесоветский период объективно нарастала символическая значимость ВОВ как коллективного исторического свершения народа в последующих поколениях. В постсоветский период революции было отказано в качестве одного из главных объединяющих символов нации. Легитимация постсоветского политического порядка первоначально черпалась в тотальном и механическом отрицании советского проекта и лежащих в его основании коммунитарных и эгалитарных ценностей. Однако позже

выяснилось, что ни постсоветский период, ни история досоветского периода не содержит событий, которые могли бы восполнить символический вакуум отрицания советского сакрального календаря праздничных дат. Попытки реформы и смещения ключевых событий красного календаря, а также введения новых праздничных дат не нашли массовой поддержки (Россияне назвали ..., 2018). Символическая нищета политических символов настоящего и будущего приводит к опоре на прошлое. Над современным российским обществом довлеет неизлечимая социокультурная травма распада СССР и поражения в холодной войне, которая осложняет конструирование позитивной гражданской идентичности в основании новой точки исторического отсчета.

Следует особо отметить, что и советская политика идентичности, которую структурно наследует российская, была внутренне противоречива, особенно в своем позднем периоде. С одной стороны, существовала неоспоримая идеологическая иерархия высших ценностей и политика формирования идентичности новой исторической общности в виде советского народа. С другой – проводилась абсолютно противоположная ей политика создания, поддержания и пестования локальных культурных, исторических и этнических идентичностей, входящая в прямое противоречие с высшими советскими ценностями, предполагающими элиминацию предшествующих ей этнических, культурных, конфессиональных и иных конфликтогенных различий и дифференциаций. Крах высших советских ценностей закономерно направил постсоветскую политику идентичности в направлении распада гражданской общности или большого общества в угоду интересам и привилегиям разнообразных меньшинств – новой буржуазии, бюрократии, силовиков, корпораций, этнических и конфессиональных групп.

Попытки создать новую гражданскую идентичность являются непоследовательными, риторическими и неспешными, так как не имеют в своей основе сильных интегрирующих принципов и ценностей, которые убедительно ограничивали бы партикулярные интересы разных меньшинств. Последние паллиативно заменяются на исторические события, которые, по мнению политической элиты, естественным образом содержат в себе правильные ценности в основе национальной идеи. Очевидно, что подобная позиция ущербна, так как любые исторические события и явления всегда интерпретируются в определенной ценностной перспективе теми или иными политическими субъектами, которые существуют независимо от них.

С течением времени стало окончательно очевидно, что травмирующий распад СССР не может стать объединяющей антисоветской основой для новой России. Однако антисоветизм стал затянувшейся основой исторического нарратива освобождения от империи зла в прочих советских республиках и бывших социалистических странах Восточной Европы. Социокультурная травма распада великой страны была официально признана российской политической элитой лишь в 2000-е, в ходе начавшейся символической инкорпорации советских достижений: «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века... Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию...» (Путин, 2005). В результате не Великая Октябрьская Социалистическая революция или распад СССР, но победа в ВОВ, причем предельно очищенная от высших советских ценностей, становится идеологической точкой отсчета постсоветского политического режима в путинский период. ВОВ

как событие пронизано высшими советскими ценностями, благодаря которым оно стало возможно, будучи неразрывно связано со Сталиным, организующей ролью коммунистической партии, бесклассовым обществом и идеологией советского единства. Все эти ценностные и исторические контексты отвергаются постсоветскими элитами, выхолащивая советские ценностные основания победы в ВОВ. Однако проблема заключается именно в том, что в ВОВ победило территориально, культурно и идеологически другое государство, в которое входили 15 советских республик и в основе которого лежали отвергнутые ныне высшие ценности коммунизма, равенства, интернационализма и т. д. Поэтому подчинение Победы выполнению актуальных для российских элит задач легитимации и консолидации нации на буржуазно-рыночных основаниях является весьма противоречивой задачей по трансформации советской Победы в свою Победу: «сегодняшняя Россия, ее элита и идеологическая обслуга последней имеют... весьма опосредованное отношение к одержанной 75 лет назад Победе. Ровно такое же отношение они имеют к образовавшемуся благодаря Победе новому глобальному соотношению сил, придававших этой Победе столь высокий статус» (Фишман, 2020, с. 51).

Таким образом, провалы в альтернативном конструировании исторической памяти вновь привели российские элиты к необходимости поиска опоры на высшие достижения советского периода, победу в ВОВ и экономические достижения, рельефно обозначаемые выходом в космос. Проблема состоит в том, что эти исторические достижения инкорпорируются вне чуждого современным элитам советского ценностного контекста, который сделал их возможным. Возникает своеобразный парадокс «свой среди чужих, чужой среди своих»: в центре исторической легитимации российского политического режима находятся не просто события предшествующего исторического периода, но и достижения, советский ценностный контекст которых отрицается или замалчивается. При этом попытки опоры не только на наиболее близкий и высший по своим свершениям советский период, а на всю тысячелетнюю историю России оказываются еще более бессильными и лишенными возможности ответить на реальные общественные проблемы, адресуемые в поисках ответов из настоящего в прошлое: «Духовные скрепы», «воля нации», «единая и неделимая тысячелетняя история», несмотря на свой универсалистский пафос, не могут скрыть стоящего за ними частного интереса правящей элиты, компенсирующей пустоту наскоро изобретаемых традиций лишь благодаря риторической возгонке и политическому весу тех, кто взял на себя ответственность «хранить и защищать нашу память» (Калинин, 2013b, с. 213).

Круг трансформации дискурса легитимации, совершенный постсоветскими элитами, оказался очень коротким. Первоначально легитимация нового общественного порядка осуществлялась как антисоветский проект. Предполагалось, что отрицание высших советских ценностей само собой ведет к торжеству универсальных альтернативных ценностей свободного мира и конца истории, которые разделит большинство. Однако рыночные институты и практики оказались выгодны меньшинству, в то время как большинство сгенерировало запрос на социальное государство и преимущественно государственную, внерыночную регуляцию распределения общественных ресурсов, что является долгосрочной тенденцией для всех современных обществ (Фишман, Мартыянов, Давыдов, 2019).

Реализация указанных трендов в путинский период привела к формированию довольно устойчивого статус-кво. В результате любые изменения достигнутого равновесия рассматриваются и элитами, и ключевыми социальными группами скорее как угрозы, чем возможности улучшить свое положение. Перестроечный дискурс перемен и транзита к глобальному либерально-рыночному обществу довольно быстро разочаровал большинство в качестве оснований новых высших ценностей, закономерно уступив место ценностям безопасности и стабильности, державности и возвращения к основам. Всплеск массовой политической активности сменился пассивным обществом спектакля, где большинству отведена преимущественно роль зрителей при формулировании приоритетов и интересов национально-государственного уровня. В результате все ключевые «символы отсылают к единству, которого нет, а старое в их наборе кентаврически соединено с новым... В таком контексте любые фундаменталистские поиски мифического «начала», кто бы их ни инициировал, обречены остаться безрезультатными. Поскольку координаты не заданы, а идея особого пути лишь подчеркивает границу («особый»), но не содержит энергетическую семантику движения, то и оценка правильности-неправильности курса, как его ни понимай, с годами становится лишь все более неопределенной» (Дубин, 2011, с. 21).

Дискурс будущего, предлагающий альтернативы настоящему, уходит из активного ядра политической повестки: «произошла радикальная перемена в восприятии исторического времени: на смену «режиму историчности», при котором образ будущего придавал смысл истории, высвечивая, как прожектором, то главное, что происходило в прошлом и настоящем, пришел так называемый презентизм – время вечного настоящего, неопределенного будущего и распавшегося на фрагменты прошлого. Такое восприятие прошлого создает благоприятные возможности для выражения партикулярных идентичностей и подъема этнопопулизма – что мы и наблюдаем в последнее время в большинстве стран, хотя и в разной степени и в разных формах. В условиях распада проекта будущего партикулярные идентичности приобретают силу логической очевидности, какой на протяжении двух последних столетий обладала либеральная демократия (а для некоторых – коммунизм)» (Копосов, 2011, с. 256–257).

Политическая риторика элит стремительно десубъективизируется и приобретает перформативные признаки, свойственные позднесоветскому политическому дискурсу (Юрчак, 2014). Все стратегии развития обнаруживают отсутствие количественно фиксируемых целевых показателей, что позволяет периодически отодвигать горизонты планирования на более отдаленные даты. Центральным принципом российской политики становится ситуативное реагирование на внутренние и внешние вызовы и угрозы интересам политических элит: «отсутствие собственного исторического проекта, через осуществление которого могла бы реализовываться политическая субъективность, компенсируется за счет паразитирования на прошлом. В этом смысле активизация исторической политики есть симптом исчезновения политического, когда вопрос о политической идентичности периформулируется как вопрос о принадлежности к исторической традиции. Вопрос о политической субъектности индивида или сообщества снимается через обращение к «генному коду» (Калинин, 2013а, с. 194).

Паллиативным вариантом легитимации социально-политического порядка становится обращение к архаической этике добродетелей, которая формулирует

требования к человеку как члену локальных общностей (кланов, корпораций, классов, сословий). Это позволяет узаконить разницу в полезности членов разных сообществ для государства и соответствующую дифференциацию доступных им конфигураций прав и ресурсов. Подобная структура ресурсно-сословной социальной стратификации возвращает к феодальным принципам оправдания социального неравенства, когда представители разных сословий не сравниваются между собой по универсальным для всех граждан критериям. Это позволяет ослабить интенсивность межгрупповой конфликтности, но не решает фундаментальной проблемы фактического полураспада большого общества. Наличие двойной системы отсчета и в виде универсальной общегражданской этики принципов, и этики добродетели, оправдывающей сословные привилегии, создает пространство двойных стандартов. В рутинной ситуации политические элиты могут выбирать в зависимости от контекста удобные для них критерии аргументации и принятия решений, выстроенные в логике этики добродетели. Однако рост внутреннего напряжения в обществе и выход на принципиальные вопросы общественного устройства принуждает обращаться к высшей, сакральной легитимности, которая может быть получена только в виде развертывания публичного дискурса, опирающегося на универсальные, общегражданские принципы, которые практически невозможно совместить с избирательными сословными практиками.

Заключение

Вынужденным фокусом современной российской политики все чаще становится политика памяти или историческая политика, в то время как утопическая устремленность в будущее, характерная для модерной идеи прогресса, постепенно отходит на периферию политической повестки. Причинами этого стали и социокультурная травма рождения российской нации, и сложившееся в российском обществе status-quo – неустойчивый баланс между потребностями ключевых социальных групп в социальном государстве и отвечающей на этот запрос патерналистской политикой госрегулирования. В результате образ будущего уходит из российской политики, а стратегические планы и концепции развития страны предстают предельно размытыми по своим целям и постоянно сдвигаются в неопределенное будущее: сначала на 2008 г., потом на 2020 г., и далее – на 2030 г. После цикла общественных потрясений конца 1980-х–1990-х любые изменения и реформы начинают восприниматься массовым сознанием скорее как тревожные угрозы и вызовы, чем потенциальные возможности. Аналогичные настроения характерны и для политических элит, отвечающих на массовые неврозы риторикой безопасности и предотвращения угроз. При этом ключевые символы национальной идентичности черпаются из модерного советского XX века (Победа в ВОВ, социальное государство, индустриализация, космос и т. д.), а дореволюционный период предстает как утраченный высший исторические символы и смыслы для массового сознания в XXI веке. При этом актуальная реабилитация наследия послевоенного СССР полна внутренних противоречий, которые не позволяют убедительно представить их вне коммунистического и эгалитарного идеологического контекста, благодаря которому и стали возможны высшие советские достижения.

Основной антиномией российской политики прошлого и сопутствующих попыток создания российской нации остается отношение к советскому периоду: «Советское» непригодно к включению в какой бы то ни было синтез... по причине своей тотальности. Если мы действительно хотим создать российскую политическую нацию, «советским» надо пожертвовать» (Каспэ, 2009b, с. 35). Дилемма остается неразрешимой, поскольку советский период остается слишком привлекателен для легитимационной ренты элит. В то же время полный отказ от советского, который политические элиты пытались оформить в 1990-е, окончился крахом, обнаружившим у правящего класса вызывающее отсутствие эквивалентных идеологических альтернатив для воспроизводства большого современного общества. Более того, в ключевых европейских обществах привычный дискурс национальной идентичности формировался в раннемодерный период становления наций, чье начало знаменовалось великими буржуазными революциями. Поэтому попытка построить дискурс российской национальной идентичности, выхолостив самый современный (при всех противоречиях) советский период истории, инициированный Великой Октябрьской социалистической революцией, – задача воистину нетривиальная.

Российские политические элиты не смогли выработать сакральные основания нового политического порядка и новой российской нации. Поскольку эти основания необходимым образом выходят за рамки чьих-то конкретно-исторических интересов, настойчиво требуя серьезных жертв и доказательств самоотречения во имя высших целей, которые имеют не менее высокую цену своего достижения (Каспэ, 2009a, с. 22). А поскольку жертвовать и ограничивать себя в настоящем и будущем элитам совсем не хочется, то мы наблюдаем попытку обмануть историю и самих себя, представив дело так, что для обретения новой национальной идентичности достаточно самого факта жертв, принесенных в прошлом. И при этом не столь важно, во имя чего они были принесены. Ведь главное, что наши предки за цену не постояли, а значит, мы автоматически достойны считаться равными им, вне зависимости от той идеологии и высших ценностей, которыми эти жертвы обосновывались.

Парадокс состоит в том, что российское общество не испытывает явного дискомфорта от отсутствия общих высших ценностей в основе актуальной общегражданской идентичности. Отчасти это объясняется тем, что постсоветское общество паллиативно переключилось на социальную регуляцию с помощью ценностей более низкого порядка (локальных, сословных, корпоративных), которые не предназначены для воспроизводства современных наций-государств, базирующихся на универсальных ценностях. Тем не менее, институционализация политики памяти со стороны российских политических элит наталкивается на растущую неподконтрольность альтернативных исторических нарративов, транслируемых в Интернете и социальных сетях. В результате инерция играющих на понижение политик памяти и символов идентичности воспроизводит в основании российского политического порядка все те же конфликтные логики добродетели, интересы и предпочтения отдельных сословий, этносов и меньшинств, которые взорвали СССР как этнонациональную федерацию и очертили постсоветские политические границы. В настоящее время сакральные ценности российской политической нации не сформулированы публично, недвусмысленно и в форме универсальной иерархии приоритетов. В результате мы имеем дело

преимущественно с избирательной политикой памяти – двойными и тройными стандартами легитимации коллективных интересов, которые ситуативно работают для социальной регуляции отдельных локальных общностей, но не интегрируют российскую нацию в универсальном ценностном контексте, создавая единую (модерную) систему идеологических координат.

Список литературы

1. Дубин, Б. (2011). Символы возврата вместо символов перемен. *Pro et contra*, 5, 6–22.
2. Валлерстайн, И. (2016). *Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.
3. Калинин, И. (2013а). Нехватка политической субъективности, или Исторический photoshoping. *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре*, 1, 192–203.
4. Калинин, И. (2013б). Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты. *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре*, 2, 200–214.
5. Каспэ, С.И. (2009а). Политическая нация и ценностный выбор: общие положения, российский случай. Ч. 1. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 2, 5–26. doi: 10.30570/2078-5089-2009-53-2-5-26
6. Каспэ, С.И. (2009б). Политическая нация и ценностный выбор: общие положения, российский случай. Ч. 2. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 4, 5–39. doi: 10.30570/2078-5089-2009-55-4-5-39
7. Копосов, Н.Е. (2011). *Память строгого режима. История и политика в России*. Москва: Новое литературное обозрение.
8. Мартьянов, В.С. (2009). Прогностика дальнего прицела: в поисках будущего для России и мира. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 4, 61–74. doi: 10.30570/2078-5089-2009-55-4-61-74
9. Мартьянов, В.С., Фишман, Л.Г. (2020). Советская мораль: от высоких ценностей к «криминальной революции»? *Новый мир*, 3, 135–149.
10. *Национальная идентичность и гордость. Опрос Левада-центра* (2019, 17 января). Взято 1 октября 2020, с <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>
11. Путин, В.В. (2005, 25 апреля). *Послание Президента Российской Федерации*. Взято 1 октября 2020, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36354>
12. *Россияне назвали свои любимые праздники* (2018, 31 октября). Взято 1 октября 2020, с <https://tass.ru/obschestvo/5740556>
13. Сурков, В. (2007). Русская политическая культура. *Стратегия России*, 7. Взято 1 октября 2020, с http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274722&archive=1185275035&start_from=&ucat=14&
14. Фишман, Л.Г. (2020). Наша не наша Победа. *Дискурс-Пи*, 2(39), 48–59. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10203
15. Фишман, Л.Г., Мартьянов, В.С., Давыдов, Д.А. (2019). *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*. Москва: Изд. дом Высшей

школы экономики. doi: 10.17323/978-5-7598-1913-4

16. Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. Москва: Новое литературное обозрение.

References

1. Dubin, B. (2011). Simvolyy vozvrata vmesto simvolov peremen [Symbols of return instead of symbols of change]. *Pro et contra*, 5, 6–22.
2. Fishman, L.G. (2020). Nasha ne nasha Pobeda [Our/not our Victory]. *Discourse-P*, 2(39), 48–59. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10203
3. Fishman, L.G., Martyanov, V.S., & Davydov, D.A. (2019). *Rentnoye obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rent Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy]. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. doi: 10.17323/978-5-7598-1913-4
4. Kalinin, I. (2013a). Nekhvatka politicheskoy sub'yektivnosti, ili Istoricheskiy photoshopping [Lack of Political Subjectivity, or Historical Photoshopping]. *Neprikosnovennyy zapas: Debaty o politike i kul'ture*, 1, 192–203.
5. Kalinin, I. (2013b). Proshloye kak ogranichennyy resurs: istoricheskaya politika i ekonomika renty [The past as a limited resource: historical politics and the economics of rent]. *Neprikosnovennyy zapas: Debaty o politike i kul'ture*, 2, 200–214.
6. Kaspe, S.I. (2009a). Politicheskaya natsiya i tsennostnyy vybor: obshchiye polozheniya, rossiyskiy sluchay. Ch. 1. [Political Nation and Value Choice: General Provisions, Russian Case. Part 1]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 2, 5–26. doi: 10.30570/2078-5089-2009-53-2-5-26
7. Kaspe, S.I. (2009b). Politicheskaya natsiya i tsennostnyy vybor: obshchiye polozheniya, rossiyskiy sluchay. Ch. 2. [Political Nation and Value Choice: General Provisions, Russian Case. Part 2]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 4, 5–39. doi: 10.30570/2078-5089-2009-55-4-5-39
8. Koposov, N.E. (2011). *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [Memory of the strict regime. History and politics in Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
9. Martyanov, V.S. (2009). Prognostika dal'nego pritsela: v poiskakh budushchego dlya Rossii i mira [Predicting Long Range Sight: In Search of the Future for Russia and the World]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 4, 61–74. doi: 10.30570/2078-5089-2009-55-4-61-74
10. Martyanov, V.S., & Fishman, L.G. (2020). Sovetskaya moral': ot vysokix cennostey k "kriminal'noj revolyucii" [Soviet morality: from high values to a "criminal revolution"?]. *Novyy mir*, 3, 135–149.
11. *Natsional'naya identichnost' i gordost'. Opros Levada-tsentra* [National identity and pride. Levada Center survey] (2019, January 17). Retrieved October 1, 2020, from <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>
12. Putin, V.V. (2005, April 25). *Poslaniye Prezidenta Rossiyskoy Federatsii* [Message from the President of the Russian Federation]. Retrieved October 1, 2020, from <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36354>
13. *Rossiyanе nazvali svoi lyubimyye prazdniki* [The Russians named their

favorite holidays] (2018, October 31). Retrieved October 1, 2020, from <https://tass.ru/obschestvo/5740556>

14. Surkov, V. (2007). Russkaya politicheskaya kul'tura [The Russian political culture]. *Strategiya Rossii*, 7. Retrieved October 1, 2020, from http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274722&archive=1185275035&start_from=&ucat=14&

15. Wallerstein, I. (2016). *Mir-sistema Moderna. Tom IV. Triumf tsentristskogo liberalizma, 1789* [Modern World-System. Volume IV. Triumph of centrist liberalism, 1789]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.

16. Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Posledneye sovetskoye pokoleniye* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.